

МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПа (1922–1928)**В. М. Кириллов***Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал), г. Нижний Тагил, Российская Федерация*

Изучение массовых настроений актуально как попытка понимания менталитета различных социальных слоев населения страны в постреволюционный период. Проблема исследования массовых настроений населения Уральского региона в период НЭПа не получила по настоящее время комплексного историографического дискурса, в то время как состояние опубликованного корпуса источников 1920-х гг. позволяет прийти к новым результатам в ее изучении. Цель публикации – изучение и анализ политических и социально-экономических настроений рабочих, крестьян, красноармейцев, совслужащих, интеллигенции, духовенства, учащихся, представителей антисоветских партий и групп населения Урала в период 1922–1928 гг. Источник исследования – информационные материалы ОГПУ, опубликованные в 2001–2017 гг. Теоретической основой работы избрана междисциплинарная концепция новой социальной истории. В силу высокой степени формализации материалов источника, применен метод контент-анализа. Результатом работы стало количественное и качественное описание массовых настроений восьми социальных групп, которое отражено в диаграммах. Выявлено 1554 единицы высказываний, из которых 199 положительных, 1327 отрицательных, 28 нейтральных. Показана динамика настроений по годам, установлено преобладание социально-экономических настроений (859 единиц) над политическими (404).

Ключевые слова: документы ОГПУ, массовые настроения, политические настроения, социально-экономические настроения, социально-политические группы, контент-анализ, категории анализа, единицы высказываний.

Введение

Изучение массовых настроений актуально как попытка понимания менталитета различных социальных слоев населения страны в постреволюционный период.

Проблема исследования массовых настроений населения Урала в период НЭПа не получила по настоящее время комплексного историографического дискурса, в то время как современное состояние опубликованного корпуса источников 1920-х гг. позволяет прийти к новым результатам в ее изучении.

Цель публикации – изучение и анализ политических и социально-экономических настроений рабочих, крестьян, красноармейцев, совслужащих, интеллигенции, духовенства, представителей антисоветских партий и групп населения Урала в период 1922–1928 гг.

Задачи исследования: проведение выборки из источника материалов, относящихся к Уральскому региону; разработка классификатора контент-анализа (далее – КА) и его применение к корпусу документов с целью выявления количества единиц высказываний (далее – ЕВ), связанных с социально-политическими группами населения Урала; подсчет ЕВ с целью анализа политических и социально-экономических массовых настроений общества.

Объектом исследования являются проблемы взаимоотношений советской власти и общества, предметом – массовые настроения населения Урала.

Базовым источником исследования избраны информационные сводки и обзоры ОГПУ, опубликованные в 2001–2017 гг. [1].

Обзор литературы

В начале XXI в. в историографии начался поворот от исследования экономических аспектов НЭПа к изучению повседневности и массового сознания различных групп общества. Системообразующим проблемным полем изучения социума выступают массовые настроения и бытовые практики выживания [2].

Такой поворот стал возможным с публикацией целого комплекса информационных материалов ВЧК – ОГПУ, отражающих взаимодействия общества и власти [1, 3, 4].

В историографии Уральского региона появился ряд исследований, отразивших движение к изучению нэповского социума с позиций массового сознания [4–12]. К настоящему времени сложились условия для анализа массовых настроений различных социальных групп населения в географических рамках Уральского региона в целом.

Методы исследования

Теоретической основой работы избрана междисциплинарная концепция новой социальной истории, компонентами которой являются история повседневной жизни, массовых настроений социальных групп общества¹. В силу высокой степени формализации материалов источника стало возможным применение метода КА к объемному корпусу документов Лубянки.

¹ Массовые настроения – это сходная для множества людей субъективная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, которая отражает их удовлетворенность или неудовлетворенность социально-политическими условиями жизни, а также оценку возможностей реализации своих притязаний при этих условиях [13].

Результаты и дискуссия

В качестве общей формы КА нами был создан символичный классификатор «Настроения социально-политических групп населения Урала», который отражает положительные, отрицательные и нейтральные коннотации массовых настроений.

Рабочим инструментом стала таблица «Маркеры настроений социально-политических групп населения Урала», которая включила в себя общие категории анализа: рабочие, крестьяне (бедняки, середняки, кулаки, казачество), красноармейцы, интеллигенция, совслужащие, духовенство, контрреволюционные партии и группы. В таблице предусмотрено распределение ЕВ вышеуказанных категорий по регионам Урала в пределах Уральской области, существовавшей в 1923–1934 гг.² В качестве предельно обобщающих применены категории «Политические настроения» (далее – ПН) и «Социально-экономические настроения» (СЭН).

Анализ массовых настроений осуществлялся последовательно с 1922 по 1928 г. Нами учитывались основные политико-экономические процессы, служившие стимулом для различных проявлений настроений общества.

В начале 1922 г. в стране продолжали ощущаться последствия гражданской войны и голода, к весне усилился продовольственный кризис. На ухудшение настроения населения оказали влияние быстрый рост рыночных цен, отсутствие твердого прожиточного минимума, денежный кризис, приводящий к задержке зарплаты и жалования. Это вызывало волнения и забастовки рабочих, порой носившие политический характер. Центральными вопросами, волнующими деревню, оставались сбор продналога и приготовления к весенней посевной кампании [14, с. 90].

Недостаток продовольствия привел к увеличению территории, пораженной голодом. На Урале усиливается смертность от голода [14, с. 91]. Почти повсеместно расцвел бандитизм, широко распространялись слухи о готовящемся восстании и падении советской власти. Констатировалась повышенная активность контрреволюционных партий анархистов, меньшевиков, правых эсеров, монархистов и антисоветских групп.

В сводках за декабрь 1922 г. зафиксированы неутешительные для власти изменения в настроениях рабочих и крестьянских масс: их политическое настроение колеблется между «неудовлетворительно» и «удовлетворительно». Кулаки и середняки, как

правило, настроены отрицательно, а бедняки «доброжелательно» [15, с. 501–502, 507, 518, 522].

Итоги подсчета ЕВ по общей категории «ПН» за 1922 г. дали 46 позитивных (далее – П), 21 отрицательный (О) и 9 нейтральных (Н). Распределение ЕВ по категории «СЭН»: 20 – П, 44 – О, 1 – Н. Политические настроения преобладали над социально-экономическими, что свидетельствует, на наш взгляд, о довольно слабых позициях советской власти и РКП (б).

Политико-экономическое состояние СССР весной 1923 г., согласно оценке ОГПУ, определялось «1) ухудшением хозяйственного состояния Республики; 2) тревожным настроением под впечатлением тяжелой болезни тов. Ленина, а затем английским ультиматумом и возможностью близкой войны;... 3) характерным для весеннего периода развитием бандитизма» [15, с. 861].

«Свертывание промышленности» приостанавливало рост зарплаты, усиливало безработицу. Несмотря на усиливающийся промышленный кризис, настроение пролетарских масс признавалось устойчивым.

Отмечено улучшение ПН крестьянства. В то же время голодом были охвачены Челябинская, Тюменская, Пермская губернии Урала, Вотская область и Башкирия. Вопреки такому отягчающему обстоятельству, ОГПУ считало, что отношение крестьян к советской власти, за исключением кулаков, «большей частью благоприятно» [15, с. 870].

В конце 1923 г. в настроениях рабочих наступило «некоторое улучшение», произошло «резкое падение общего недовольства среди рабочих и понижение числа забастовок по СССР». В то же время «настроение крестьянства большинства губерний характеризуется недовольством, обусловливаемым ненормальностями единогоналоговой кампании и состоянием «ножниц» (т. е. разницы в ценах промышленных и сельскохозяйственных товаров)» [15, с. 959].

Подводя итог количества ЕВ за год, констатируем – по категории «ПН»: 68 – П, 68 – О, 6 – Н. Подсчет по категории «СЭН» дает нам 38 – П, 130 – О, 4 – Н. Можно сделать вывод о преобладании СЭН над ПН. Количество ЕВ по рабочим (128) преобладает над количеством по крестьянам (65).

В январе 1924 г. в выводах ОГПУ по положению в стране отмечались: закрытие предприятий и рост безработицы; задержка зарплаты; рост недовольства на почве злоупотреблений администрации; малые масштабы забастовочного движения; «резкий сдвиг в сторону советской власти и РКП (б) настроения рабочих после смерти Ленина» [16, с. 26].

В Уралобласти чрезвычайно распространённым являлось недовольство рабочих «на почве невнимательного отношения администрации к их нуждам». Партийная дискуссия «среди наименее сознательных рабочих» была воспринята как рас-

² Уральская область образована в ноябре 1923 г. из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний и существовала до 1934 г. в виде округов и районов. Структура и состав области несколько раз корректировались, изменялось число округов. Для удобства в табличных формах и диаграммах мы использовали названия: Пермский, Екатеринбургский, Челябинский, Тюменский, Оренбургский регионы, Удмуртия и Башкирия, которые совпадают с современным административно-территориальным делением на области и республики.

кол в партии, а смерть Ленина вызвала у рабочих «инстинктивное чувство единства» [16, с. 22–25].

Зафиксировано тяжелое положение крестьянства в Башкирии, Оренбургской губернии³: употребление суррогатов, тяга к переселению и т. п.

Анализ ОГПУ политического состояния СССР в 1924 г. обнаружил «неуклонный рост мелкобуржуазной стихии, как в городе, так и в деревне с явно выраженными враждебными нам политическими тенденциями» [16, с.299].

По итогам 1924 г. в категории «ПН» насчитывается 79 ЕВ, в категории «СЭН» – 129, все с отрицательным значением. Количество ЕВ по рабочим (49) ненамного уступает крестьянам (51), преобладают СЭН: у рабочих все 49, у крестьян СЭН – 29 ЕВ, ПН – 22. Антисоветские группы и партии проявляют повышенную активность: 24 ЕВ в сравнении с 8 в 1922 г. и 16 в 1923 г.

Весной 1925 г. ОГПУ фиксировало определенные изменения в настроении основных социальных групп населения. Применительно к рабочим был выдвинут, как основной, тезис: «Общее настроение рабочих продолжает быть в мае вполне советским. Вместе с тем размеры забастовочного движения и рост конфликтов на экономической почве, ..., говорят о несомненном нарастании активности в рабочей среде. Эта активность в данной стадии не носит... ярко выраженного антисоветского характера, а направлена... против администрации и... ограничивается рамками экономических требований» [17, с. 285].

Выводы по настроению крестьян связаны с ростом политической активности «всех слоев крестьянства и усиливающейся классовой борьбой. Подавляющая часть середнячества держится... пассивно-выжидательно, относясь... с недоверием к провозглашенному партией новому курсу, ..., общий рост политической активности деревни, ..., принимает часто антисоветское направление (требование организации крестьянских союзов, передачи власти беспартийным крестьянским конференциям вместо Советов и т. п.); эти требования преимущественно исходят со стороны середняков и бедноты». Кулацкие и антисоветские элементы в ходе перевыборов Советов проявили стремление «захватить власть, ..., возглавить и направить в антисоветскую сторону выросшую политическую активность деревни» [17, с. 296].

По категории «ПН» за 1925 г. набралось 65 ЕВ, из них только одно позитивное, остальные отрицательные. По категории «СЭН» – 71 отрицательное высказывание. Количество ЕВ по рабочим (58) больше, чем по крестьянам (37). У рабочих преобладают СЭН (56). У крестьян СЭН (8) значительно уступают ПН (29).

Из обзора политического состояния СССР за январь 1926 г. следует, что настроение рабочих

оказалось зависимым от «наметившихся общехозяйственных затруднений»: перебоев в производстве из-за недостатка сырья и топлива, частичного сокращения рабочих, намечающегося сокращения производства, задержек зарплаты, роста рыночных цен на продукты. Выросло число забастовок, сложилось острое положение в снабжении рабочих продуктами питания. Настроение рабочих – «подавленное» [18, с. 23, 25, 33, 59].

В ходе перевыборной кампании в сельсоветы кулачество выдвинуло лозунг «Советы без коммунистов». Сложилось кулацкие группировки на перевыборах. В большинстве мест бедняки и батраки к перевыборам оказались не подготовлены и оказались под влиянием зажиточных [18, с. 35, 37, 67].

В январе отмечено 149 случаев агитации и выступлений за крестьянские союзы по 34 губерниям и округам Союза. Одним из требований инициаторов таких выступлений было создание крестьянской партии [18, с. 37, 38].

В обзоре за март по-прежнему фиксируется влияние на настроение рабочих хозяйственных затруднений – «нервное настроение», рост активности антисоветских элементов на предприятиях. В то же время утверждалось, что «на основную массу рабочих эти выступления влияния не имеют» [18, с. 169].

Политическое настроение деревни характеризовалось как устойчивое, что подтверждалось перевыборами в органы кооперации, в ходе которых сложился в основном блок бедноты и середнячества.

Дестабилизировали ситуацию товарный голод и «ножницы», которые находились «в центре внимания деревни и в известной части ее проявляются в виде недовольства городом, «привилегированным» положением рабочих и т. д. Хозяйственные затруднения Союза и нажим по сбору единого сельхозналога используются антисоветской частью деревни для распространения всевозможных провокационных слухов (о резком падении червонца, войне и т. д.)» [18, с. 240].

В июне новым тревожным моментом стал рост преступности в деревне, который вызвал недовольство крестьян «слабой карательной политикой советской власти», особенно слабостью в деятельности судов, мягкостью наказаний для уголовников, совершивших убийства [18, с. 384].

В сентябре хулиганство среди молодежи стало предметом особого внимания в сводках ОГПУ. Подчеркивалось, что сельская молодежь намеренно втягивается в хулиганство, нацеленное против комсомольских организаций, что определялось как «фашистское лицо хулиганствующей деревенской молодежи». Приводились многочисленные примеры бытового хулиганства в деревне, перерастающего в бандитизм, терроризирования хулиганями местного населения. Это считалось проявлением «политического хулиганства» [18, с. 635, 684, 687, 689, 822].

³ По декабрь 1924 г. Оренбургская губерния входила в состав Киргизской АССР, в 1925–1928 гг. существовала самостоятельно в составе РСФСР.

К декабрю 1926 г. число конфликтов на промышленных предприятиях СССР и Урала снизилось, что говорило об улучшении настроений рабочих [18, с. 907].

Политнастроение деревни по-прежнему определялось ходом налоговой и хлебозаготовительной кампаний. Почти повсеместно резко обострилось недовольство зажиточных групп деревни. Более «мощная часть крестьянства» все чаще задерживала хлеб в ходе заготовок. Все это в целом обусловило рост активности кулачества и антисоветских элементов села [18, с.913].

Подсчет ЕВ по категории «ПН» за 1926 г. привел нас к следующим результатам – 127 – О, 17 – П, 4 – Н; по категории «СЭН» – 199 – О, 2 – П. С настроениями рабочих связано 154 ЕВ, крестьян – 95. Количество ЕВ по рабочим (160) значительно больше, чем по крестьянам (102). У рабочих преобладают СЭН (56) над ПН (14), у крестьян СЭН (38) значительно уступают ПН (64). Увеличилось число актов бандитизма и террора (19) по сравнению с 1925 г. (10) и 1924 г. (9).

В январе 1927 г. выросло число забастовок рабочих по сравнению с декабрем 1926 г. Снижение зарплаты, невыгодная тарификация, сокращение производства оставались благоприятной почвой для конфликтов. Фиксировалось позитивное отношение рабочих к выборной кампании [19, с. 22]. Наблюдались отдельные антисоветские выступления среди рабочих в ходе выборов горсоветов, хотя подчеркивалось, что «отношение со стороны рабочих к антисоветским выступлениям отрицательное» [19, с. 30].

В информационной сводке отражены разные позиции бедняков, середняков и кулаков на выборах сельсоветов. Бедняки поддерживали линию на блок с середняками, а кулаки агитировали за своих кандидатов, иногда терроризировали крестьян.

Пассивность населения на выборах (Башкирия) компенсировалась большой активностью зажиточных и кулаков, которые объединялись с мусульманским духовенством, стремясь к проведению в сельсоветы своих ставленников и выступая против ограничения избирательных прав [19, с. 39, 40, 41, 44].

В феврале констатировалось: «Рост активности рабочих значительно превышает активность других слоев городского населения. Выступления на рабочих собраниях выявляют как политический, так и культурный рост рабочих масс» [19, с. 114].

В марте 1927 г. сократилось число забастовок в промышленности, но они стали более крупными. Рабочих тревожил вопрос справедливости новых коллективных договоров, сокращение штата, удлинение рабочего дня на железных дорогах, выборы советов [19, с. 236, 240, 241].

В связи с осложнением международной обстановки (кризис англо-советских отношений) в информационных сводках появился новый раздел – «Слухи о войне». Слухи о войне носили мас-

совый характер по всем районам СССР, местами вызывая усиленную закупку предметов первой необходимости (мануфактуры, соли, керосина, спичек, сахара, муки и т. п.). Под их влиянием менялось и политическое настроение. Например, наблюдались случаи выхода из комсомола и пионерских организаций [19, с. 253, 254].

В дополнение к распространению слухов о войне кулачество и антисоветские элементы вели антисоветскую агитацию в форме слухов о приходе белых, конце советской власти и угроз расправы над коммунистами [19, с. 322].

Объектом пристального внимания чекистов являлись национальные республики и автономные образования. На Урале – это Башкирская АССР. Постоянно фиксируется антагонизм между русским, татарским и башкирским населением по вопросам землепользования, а главное, в связи с политикой коренизации, привилегированным положением башкир и татар. В Башкирии также циркулируют слухи о войне, идет антисоветская агитация и агитация за крестьянские союзы [19, с. 330].

Часть середнячества Урала проявила недовольство налоговой политикой советской власти (сельхозналог 1926–1927 гг. был во много раз выше налога предыдущих лет). К этому добавились антигородские настроения середняков под влиянием антисоветской агитации кулачества. Поэтому середняки проявили склонность к антисоветским настроениям [19, с. 431–432].

Беднота, за редкими исключениями, повсеместно высказывалась за поддержку советской власти, обещая в случае войны расправиться с кулачеством, чтобы обезопасить тыл [19, с. 492].

Практически все вышеуказанные тенденции развития политических и социально-экономических массовых настроений на Урале сохраняются на протяжении 1927 г. По категории «ПН» выявлено 119 ЕВ: 110 – О, 5 – П, 4 – Н. По категории «СЭН» – 69 ЕВ: 68 – О, 1 – П. Количество ЕВ по рабочим (72) несколько меньше, чем по крестьянам (91). У рабочих преобладают СЭН (69) над ПН (3). У крестьян СЭН (9) значительно уступают ПН (74). Проявляют низкую активность антисоветские группы и партии (3), невелико количество случаев бандитизма и террора (5).

Характерными темами политических обзоров 1928 г., наряду с традиционными, стали: перезаключение коллективных договоров, переход на 7-часовой рабочий день, перебои в снабжении рабочих районов, распространение оппозиционных листовок, массовые выступления [20, с. 30].

В обзоре за январь фиксировалась неподготовленность задуманной тарифной реформы и поспешное введение укороченного рабочего дня, что вызвало у рабочих «тревожное настроение». Забастовочное движение привело к значительному росту числа участников по СССР за счет основных отраслей промышленности [20, с. 31].

Отрицательным явлением для советской власти оказалось сочувствие середняков и бедняков агитации кулаков, вызванное «извращениями линии партии низовыми совработниками»: «...применение репрессий к бедноте, составляющей главный контингент недоимщиков, к семьям красноармейцев, запугивание арестами, ..., принудительное распространение займа, избияния и угрозы». Все это создавало среди середнячества «тревожное настроение» [20, с. 32, 58].

Борьба с кулачеством была обусловлена значительным ростом антисоветской активности. Участились репрессии: за январь–февраль за контрреволюционную агитацию арестовано по СССР до 1600 человек (большинство арестов падало на Северный Кавказ, Украину, Урал и Сибирь). Кроме того, по Уральской области было предано суду свыше 11000 крестьян, осуждено 5224 [20, с. 104, 125].

Новая стадия борьбы кулачества характеризовалась «агитацией за сокращение ярового клина и против помощи бедноте и маломощному середнячеству». Утверждалось, что «на основные массы середнячества агитация за сокращение посевплощади влияния не оказывает... Данные о подготовке к посевкампании уже говорят об укреплении бедняцко-средняцкого блока на почве взаимной помощи» [20, с. 91].

В деревне одним из острых вопросов остается самообложение. В дополнение к кулакам к протестам против классового принципа самообложения присоединяется наиболее зажиточная часть середнячества [20, с. 213, 223].

В мае обостряется проблема со снабжением мукой, печеным хлебом, мясом и крупами, наиболее резко именно на Урале. Повышение спроса на печеный хлеб приводит к очередям в магазины до 1000–1400 человек. Как следует из обзора ОГПУ, «скопление в очередях значительного числа людей, простаивающих по 6–7 часов, создает благоприятную почву для деятельности уголовных и антисоветских элементов» [20, с. 259].

Обозначился продовольственный кризис в уральской деревне. Обострилось недовольство среди бедняков и маломощных слоев, вынужденных голодать (имеются случаи употребления в пищу падали, отдельные случаи голодной смерти, случаи опухания на почве недоедания и массовое употребление суррогатов). На Урале зафиксировано «значительное количество массовых выступлений крестьянства, иногда резко антисоветских. Участниками выступлений являются в большинстве случаев представители бедноты и маломощного середнячества...» [20, с. 268, 270, 329].

В июне затруднения в снабжении городского населения хлебом охватили значительную часть районов СССР и вызвали забастовочное движение

на Урале. Продолжились продовольственные затруднения и в деревне [20, с. 328].

В июле продовольственный кризис несколько смягчился, количество массовых выступлений на этой почве резко сократилось: в июне – 101, в июле – 15. Всего по СССР зарегистрировано 115 фактов террора, из них по Уралу – 11. В октябре по Уралу наблюдалось 15 случаев кулацкого террора, который был направлен преимущественно против работников низового советского аппарата [20, с. 385, 392, 529].

Один из ключевых выводов ноябрьского обзора – «...данные иллюстрируют наличие значительного обострения классовой борьбы в деревне, обьяктивление кулачества в этой борьбе и наличие тенденции к дальнейшему росту террора на почве разворачивания перевыборной кампании Советов» [20, с. 584].

По итогам 1928 г. в категории «ПН» насчитывается 74 ЕВ (все отрицательные), в категории «СЭН» – 145 (143 – О, 2 – П). Настроения рабочих выражены: 55 – О ЕВ, крестьян – 155 – О и 2 – П. Количество ЕВ по рабочим (55) значительно меньше, чем по крестьянам (157). У рабочих преобладают СЭН (53) над ПН (2), у крестьян СЭН (133) значительно превосходят ПН (24). Проявляют активность антисоветские группы и партии (14), увеличилось число случаев бандитизма и террора (38).

Выводы

Информационные материалы ОГПУ за 1923–1924 гг. отражают картину медленного восстановления страны после военной разрухи и бедствий голода, достаточно объективно освещают переход от продразверстки к единому сельхозналогу. Насилие в сборе продналога и репрессии продолжались до конца 1924 г. Отмечается неудовлетворительное настроение рабочих и крестьян, их отрицательное отношение к РКП (б) и советской власти. На протяжении 1925 г. – лета 1927 г. НЭП «вошел в силу», сложилось многоукладная экономика и система рыночных отношений, прекратились принудительные хлебозаготовки и налоги. Ограничивалась деятельность ОГПУ, преодолевалась «односторонность» информации сводок, предпринимались попытки понимания истинных настроений населения. Заметно проявление массового политического сознания рабочих и крестьян, которые ориентировались на решение хозяйственных проблем. Крестьянство выступало против однопартийной диктатуры и начинало борьбу за овладение местными советами, за создание крестьянских союзов. Период с осени 1927 г. по осень 1929 г. характеризуется курсом на свертывание НЭПа через нагнетание военного психоза, насильственные хлебозаготовки и переход к репрессивной системе управления. В сводках видна ориентация на политические вопросы в ущерб экономи-

ческим, преувеличивается массовость антисоветских настроений.

В связи с поставленной целью и задачами исследования мы провели анализ материалов источника и произвели количественное и качественное описание массовых настроений. Выявлено 1554 ЕВ, из которых 199 – П, 1327 – О, 28 – Н. Результаты КА отражены нами в нескольких диаграммах. Явные всплески СЭН наблюдаются в 1923, 1924, 1928 гг., ПН – в 1923, 1926, 1927 гг. Налицо преобладание СЭН над ПН (рис. 1).

Например, в категории «СЭН» за 1923 г. насчитывается 38 – П ЕВ, 130 – О и 4 – Н. Этот год стал переходным к стабилизации экономики, когда трудности послереволюционного кризиса сочетались с ожиданиями позитивных изменений. В категории «ПН» 68 – П ЕВ, 68 – О, 6 – Н, что отражает промежуточную ситуацию между кризисом и надеждой на лучшее будущее. Большинство негативных ЕВ напрямую связывают плохую экономическую ситуацию с советской властью. Количество ЕВ по рабочим (128) преобладает над крестьянами (65). У рабочих распределение ПН (34 ЕВ) и СЭН (94) в пользу последних. У крестьян СЭН (37 ЕВ) также преобладают на ПН (28) (рис. 2).

В категории «СЭН» за 1924 г. – 129 ЕВ, в категории «ПН» 79 ЕВ, все с отрицательной коннотацией.

В категории «ПН» за 1926 г. насчитывается 127 – О ЕВ, 17 – П, 4 – Н; в категории «СЭН» – 199 – О ЕВ, 2 – П. Количество ЕВ по рабочим (49) ненамного уступает крестьянам (51). У обеих социальных групп преобладают социально-экономические мотивы настроений.

По итогам 1927 г. в категории «ПН» – 119 ЕВ:

Рис. 1. Социально-экономические и политические настроения. 1922–1928

Fig. 1. The socio-economic and political mood of the population, 1922–1928

110 – О, 5 – П, 4 – Н, в категории «СЭН» – 69 ЕВ: 68 – О, 1 – П. Внимание к рабочим проявилось в 72 ЕВ, к крестьянам – в 91. Количество ЕВ по рабочим (72) меньше, чем по крестьянам (91). У рабочих СЭН (69) преобладают над ПН (3), у крестьян СЭН (9) значительно уступают ПН (74).

По итогам 1928 г. в категории «ПН» насчитывается 74 ЕВ (все отрицательные). По категории «СЭН» – 145 (143 – О, 2 – П). Настроения рабочих выражены в 55 – О ЕВ, крестьян – в 155 – О, 2 – П. Количество ЕВ по рабочим (55) значительно меньше, чем по крестьянам (157). У рабочих преобладают СЭН (53) над ПН (2), у крестьян СЭН (133) значительно превосходят ПН (24).

Нами выявлена коннотация массовых настроений в целом (рис. 3), рабочих и крестьян (рис. 4).

Материалы сводок позволили нам отследить настроения различных социально-политических групп населения: крестьян, рабочих, красноармейцев, советских служащих, интеллигенции, духовенства, учащихся, антисоветских партий и групп (рис. 5). Кроме того, представлено распределение ЕВ по регионам Урала (рис. 6).

Проведенное исследование – первая попытка изучения массовых настроений населения всего Уральского региона в рамках «нэповского» периода. Мы изучили материалы в высшей степени информативного источника, провели его анализ помощью метода, позволяющего сделать объективные выводы. Дальнейшая перспектива решения сложной дискуссионной проблемы состоит в комплексном анализе различного вида источников коллективными усилиями ученых в рамках междисциплинарного подхода.

Рис. 2. Социально-экономические и политические настроения крестьян и рабочих. 1922–1928

Fig. 2. The socio-economic and political mood of peasants and workers, 1922–1928

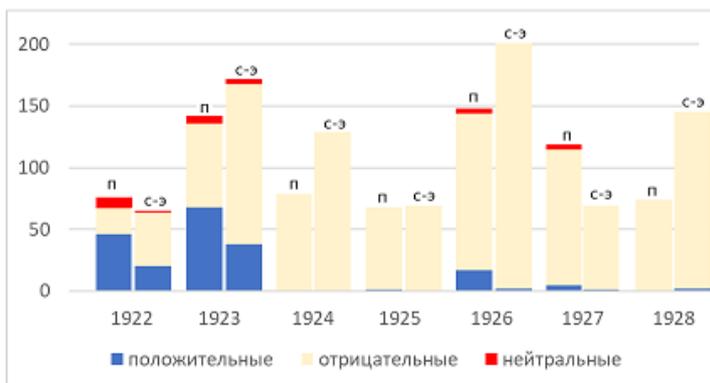

Рис. 3. Коннотация политических и социально-экономических настроений. 1922–1928
Fig. 3. The valence of political and socio-economic sentiments, 1922–1928

Рис. 4. Коннотация политических настроений рабочих и крестьян. 1922–1928
Fig. 4. The valence of the political sentiments of workers and peasants, 1922–1928

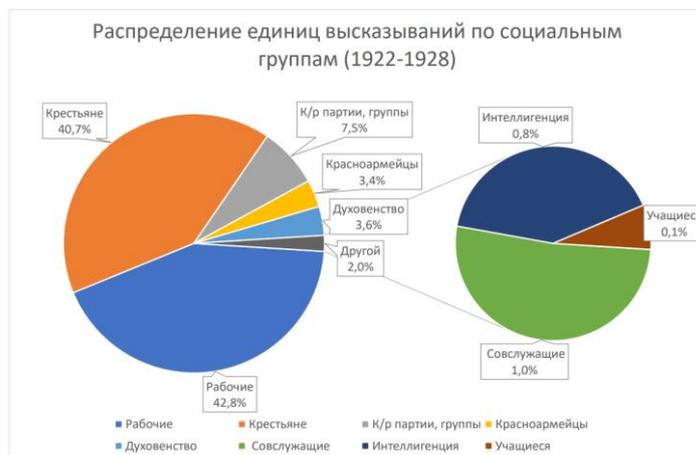

Рис. 5. Распределение единиц высказываний по социальным группам. 1922–1928
Fig. 5. The distribution of units of utterances across social groups, 1922–1928

Рис. 6. Распределение единиц высказываний по регионам Урала. 1922–1928*
Fig. 6. The distribution of units of utterances across the regions of the Urals, 1922–1928

* Примечание: диаграммы составлены канд. ист. наук, доцентом РГПСУ С. Л. Разинковым

Литература

1. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция) ; отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. – М. : ИРИ РАН, 2001–2017.
2. Орлов, И. Б. НЭП: современные дискуссии и перспективы изучения / И. Б. Орлов // Российская государственность: опыт 1150-летней истории : материалы международной научной конференции. – М. : ИРИ РАН, 2013. – С. 387–395. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/ folder/qgm3lpwi7j/direct/117829461.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
3. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 1168 с.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 ; под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1999. – 880 с.
5. Фельдман, М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа / М. А. Фельдман. – Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 20–30.
6. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : документы и материалы : в 6 т. Свердловская область. Т. 2. 1942–1985 ; гл. ред. академик РАН В. В. Алексеев ; сост. Е. Ю. Баранов, Е. В. Вертилецкая, С. В. Воробьев и др. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. – 776 с.
7. Ильиных, И. В. Взаимоотношения власти и городского населения Урала в ходе мобилизационных кампаний 1928–1932 гг. : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Ильиных. – Нижний Тагил, 2007. – 288 с.
8. Воробьев, С. В. Власть и общественные настроения на Урале в начальный период НЭПа (по информационным сводкам ВЧК–ОГПУ) / С. В. Воробьев // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 9. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 148–154.
9. Сухарев, А. А. Власть и общество зауральского города в условиях НЭПа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Сухарев. – Тюмень, 2014. – 26 с.
10. Каплюков, В. В. Южный Урал 1920-х годов в информационных сводках ОГПУ / В. В. Каплюков, Е. И. Яркова // Урал индустриальный. Бакунские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всероссийской научной конференции : в 2 т. – Екатеринбург : УрО РАН, 2018. – Т. 1. – С. 355–369.
11. Филатов, В. В. Протестное движение сельских жителей Уральской области во второй половине 1920-х годов / В. В. Филатов, А. В. Томапов. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, Вып. 6. – С. 81–84.
12. Курьшев, И. В. Источники о социально-политических настроениях крестьянства Ишимского округа Уральской области в 1925–1927 гг. По материалам сводок окружного отдела ОГПУ / И. В. Курьшев, А. А. Любимов // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 418–427.
13. Политическая психология : словарь-справочник. – URL: https://political_psychology.academic.ru (дата обращения: 20.02.2024).
14. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 1 : в 2 ч. 1922–1923 гг. Ч. 1. 1922 г. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 500 с.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 1 : в 2 ч. 1922–1923 гг. Ч. 2. 1923 г. – М., 2001. – 630 с.
16. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 2. 1924 г. – М., 2001. – 516 с.
17. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 3 : в 2 ч. 1925 г. Ч. 1. – М., 2001. – 502 с.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 4 : в 2 ч. 1926 г. Ч. 1. – М., 2001. – 710 с.
19. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 5. 1927 г. – М., 2003. – 804 с.
20. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 6. 1928 г. – М., 2002. – 804 с.

Кириллов Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал) (Нижний Тагил), e-mail: history_vmk@mail.ru. ORCID 0000-0002-6878-2171

Поступила в редакцию 17 июня 2024 г.

MASS SENTIMENT IN THE URALS DURING THE NEP YEARS (1922–1928)

V. M. Kirillov

Russian State Vocational Pedagogical University (Branch), Nizhny Tagil, Russian Federation

The study of mass sentiment is relevant to understand the mentality of different social strata in the post-revolutionary period. The sentiments of the population of the Ural region during the NEP period has not received a comprehensive historiographical investigation to date. Recently published sources from the 1920s allows us to obtain new results in its study. This paper studies the political and socio-economic sentiments of workers, peasants, Red Army soldiers, civil servants, intellectuals, clergymen, students, and representatives of anti-Soviet parties and groups of the Urals in the period 1922–1928. The source of the study is OGPU information materials published from 2001 to 2017. The interdisciplinary concept of a new social history is the theoretical basis of the work. Due to the formalization of the source materials, content analysis was applied. The results are a quantitative and qualitative description of the mass sentiments of eight social groups. Of the 1,554 utterances were identified, 199 were positive, 1,327 were negative, and 28 were neutral. Changes in sentiment over the years is shown, the predominance of socio-economic moods (859 units) over political ones (404) is established.

Keywords: OGPU documents, mass sentiments, political sentiments, socio-economic sentiments, socio-political groups, content analysis, categories of analysis, units of statements.

References

1. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. / In-t ros. istorii RAN, Centr. arhiv FSB RF, Nauch. sovet RAN «Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnej politiki Rossii», Nauch. sovet RAN po istorii soc. reform, dvizhenij i revolyucij, Komis. istorikov Rossii i Finlyandii, AN Finlyandii, Fond Dom nauk o cheloveke (Franciya); otv. red. A.N. Saharov, V.S. Hristoforov. M.: IRI RAN, 2001–2017.
2. Orlov I.B. NEP: sovremennye diskussii i perspektivy izucheniya [NEP: Modern Discussions and Prospects for Studying] // *Rossijskaya gosudarstvennost: opyt 1150-letnej istorii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M.: IRI RAN, 2013. S. 387–395. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/qgm3lpwi7j/direct/117829461.pdf> (data obrasheniya: 20.02.2024).
3. Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939 [Soviet Village through the Eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–1939]: do-kumenty i materialy: v 4 t. T. 2. 1923–1929; pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2000. 1168 s.
4. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939 [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939]: dokumenty i materialy: v 5 t. T. 1 Maj 1927 – noyabr 1929; pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 1999. 880 s.
5. Feldman M.A. Kulturnyj uroven i politicheskie nastroyeniya rabochih krupnoj promyshlennosti Urala v gody NEPa [The Cultural Level and Political Sentiments of Workers in Large-Scale Industry in the Urals during the NEP] // *Otechestvennaya istoriya*. 2003. № 5. S. 20–30.
6. Obshestvo i vlast. Rossijskaya provinciya. 1917–1985 [Society and power. Russian province. 1917–1985]: dokumenty i materialy: v 6 t. Sverdlovskaya oblast. T. 2. 1942–1985; gl. red. akademik RAN V.V.Alekseev, sost. E.Y. Baranov, E.V. Vertileckaya, S.V. Vorobev i dr. Ekaterinburg: Bank kulturnoj informacii, 2006. 776 s.
7. Ilinykh I.V. Vzaimootnosheniya vlasti i gorodskogo naseleniya Urala v hode mobilizacionnyh kampanij 1928–1932 gg. [Relationships between the Authorities and the Urban Population of the Urals during the Mobilization Campaigns of 1928–1932]: dis. ... kand. ist. nauk. Nizhnij Tagil, 2007. 288 s.
8. Vorobev S.V. Vlast i obshestvennye nastroyeniya na Urale v nachalnyj period NEPa (po informacionnym svodkam VChK–OGPU) [Power and Public Sentiment in the Urals in the Initial Period of the NEP (according to Information Reports from the Cheka–OGPU)] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost*. Vyp. 9. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2008. S. 148–154.
9. Suharev A.A. Vlast i obshestvo zauralskogo goroda v usloviyah NEPa: 1921–1929 gody (na materialah Tyumeni) [Power and Society of a Trans-Ural City under the NEP: 1921–1929 (based on Materials from Tyumen)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tyumen, 2014. 26 s.

10. Kaplyukov V.V., Yarkova E.I. Yuzhnyj Ural 1920-h godov v informacionnyh svodkah OGPU [Southern Urals of the 1920s in information reports of the OGPU] // *Ural industrialnyj. Bakuninskie chteniya. Industrialnaya modernizaciya Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii*: v 2 t. Ekaterinburg: UrO RAN, 2018. T. 1. S. 355–369.
11. Filatov V.V., Tomarov A.V. Protestnoe dvizhenie selskih zhitelej Uralskoj oblasti vo vtoroj polovine 1920-h godov [Protest Movement of Rural Residents of the Ural Region in the Second Half of the 1920s]. Tambov: Gramota, 2019. T. 12. Vyp. 6. C. 81–84.
12. Kuryshev I.V., Lyubimov, A. A. Istochniki o socialno-politicheskikh nastroeniyah krestyanstva Ishimskogo okruga Uralskoj oblasti v 1925–1927 gg. Po materialam svodok okružhnogo otdela OGPU [Sources on the Socio-Political Sentiments of the Peasantry of the Ishim District of the Ural Region in 1925–1927. Based on Reports from the District Department of the OGPU] // *Vestnik arhivista*. 2021. № 2. S. 418–427.
13. Politicheskaya psikhologiya [Political Psychology]: slovar'-spravochnik. URL: https://political_psychology.academic.ru (data obrashcheniya: 20.02.2024).
14. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 1: v 2 ch. 1922–1923 gg. Ch. 1. 1922 g.]. M.: IRI RAN, 2001. 500 s.
15. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 1: v 2 ch. 1922–1923 gg. Ch. 2. 1923 g. M., 2001. 630 s.
16. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 2. 1924 g. M., 2001. 516 s.
17. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 3: v 2 ch. 1925 g. Ch. 1. M., 2001. 502 s.
18. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 4: v 2 ch. 1926 g. Ch. 1. M., 2001. 710 s.
19. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 5. 1927 g. M., 2003. 804 s.
20. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 6. 1928 g. M., 2002. 804 s.

Viktor M. Kirillov – D. Sc. (History), Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Russian State Vocational Pedagogical University (Branch) (Nizhny Tagil), e-mail: history_vmk@mail.ru

Received June 17, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кириллов, В. М. Массовые настроения на Урале в годы НЭПа (1922–1928) / В. М. Кириллов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 27–36. DOI: 10.14529/ssh240303

FOR CITATION

Kirillov V. M. Mass sentiment in the Urals during the NEP years (1922–1928). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 27–36. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240303